

Zacharijeva, Irina

Создатель сокровенной лирики Николай Рубцов

Opera Slavica. 2013, vol. 23, iss. 1, pp. 10-18

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/127242>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

СОЗДАТЕЛЬ СОКРОВЕННОЙ ЛИРИКИ НИКОЛАЙ РУБЦОВ

Ирина Захариева (София)

Абстракт:

В статье обращено внимание на маргинальное состояние лирики, как рода поэзии, в России советского периода. Отмечено начало процесса возрождения лирики на национальной почве с середины 1950-х годов. В числе носителей канона выделен Николай Рубцов. Выявлена самобытность его поэтического дара, особенности биографии и органическая по типу поэтика. Мотивировано сближение Рубцова с поэтом-духовидцем Даниилом Андреевым. Таким образом ознаменовано начало осмысления феномена Рубцова в русской литературе второй половины XX века.

Ключевые слова: Николай Рубцов, лирика, канонизация, музыкальность, структура стихосложения, поэтологическая органика, мыслеобразы, элегическая настроенность, поэтическая эзотерика.

The Creator of the Concealed Lyric Poetry Nikolai Rubtsov

Abstract:

The article deals with the marginal position of lyric poetry in Soviet Russia – the author claims the middle of the 20th century could be taken as the begin of the restoration of it, especially in the poetry by Nikolay Rubtsov. The specific character of his talent, his biography and the iniqueness of the type of his poetics and the close relationship of Rubtsov with Daniil Andreev are mentioned.

Key words: Nikolay Rubtsov, lyric poetry, canonization, onomatopoeic poetry, structure of poetry, organic poeology, thoughts-pictures, elegiac character of poetry, esotericism in poetry.

В минувшем столетии русская лирика прошла через этапы ее искусственного подавления. Решительное наступление на лирику, как род поэзии, предприняли авангардисты. Владимир Маяковский декларировал в стихах: «Нами лирика [...] неоднократно атакована». Отказ от лирики пришелся по вкусу идеологам пролетарской культуры после революции. Они воспринимали лирическую поэзию как выражение *интеллигентского эгоцентризма* и считали естественным отказ от нее. Лирика во времена проведения новой культурной политики превратилась в **маргинальный род искусства**.

И, естественно, она эмигрировала за пределы страны вместе с тысячами интеллигентов.

Русская лирика в первой половине XX века плодотворно развивалась на эмигрантском архипелаге как на Западе, так и на Востоке. Поэты-эмигранты Марина Цветаева, Георгий Иванов, Игорь Северянин воспринимаются ныне как **вершины** очень богатого и многоликого **лирического массива в эмиграции**.

С середины пятидесятых годов в России советского периода **лирическая поэзия пережила свое возрождение**. Назовем определившихся в настоящее время носителей канона: Булат Окуджава, Белла Ахмадулина, Николай Рубцов. Сходство упомянутых авторов основано на том, что они были особенно чувствительны к воздействию музыки на поэзию; влечение к музыке повлияло на структуру их стихосложения.

Самый необычный из российских лириков второй половины пятидесятых – шестидесятых годов, несомненно, *Николай Рубцов* (1936–1971). И феномен Рубцова только начинает осознаваться. Родился он в поселке Емецк Архангельской области, прожил всего тридцать пять лет, а был востребован, как автор, лишь в последние пять лет своей жизни. У него рано проявилась потребность к стихотворству: начал писать в школьные годы, затем передавал свои стихи в местную печать. После московского издания поэтической книги «Звезда полей» (1967) почти каждый год выходили его сборники. В 1969 году была издана в Архангельске книга стихов «Душа хранит», в 1970 году – появилось московское издание сборника «Сосен шум», а в 1971 году – уже посмертно был выпущен в Москве сборник стихотворений «Зеленые цветы» (названия книг повторяют обобщающие заглавия определенных стихотворений).

Заглавием «Сосен шум» Рубцов *перекликался* со своим знаменитым предшественником Николаем Клюевым, первый сборник стихов которого, вышедший в Санкт-Петербурге в 1912 году, назывался «Сосен перезвон» (Санкт-Петербург, 1912). Тем самым поэт середины XX века давал понять читателям, что оба они с Клюевым выросли под соснами европейского Севера.

У Николая Клюева одной из главных тем была тема воспитавшей его матери, а у Рубцова осталось лишь смутное воспоминание о рано умершей матери (Александре Михайловне): «Мать умерла. Отец ушел на фронт. / Соседка злая не дает проходу. / Я смутно помню утро похорон / И за окошком скудную погоду» («Детство»). В стихотворении «Памяти матери» обрисована обстановка, порождающая томление по самому родному – исчезнувшему по воле судьбы – человеку:

Сижу среди своих стихов,
 Бумаг и хлама.
 А где-то есть во мгле снегов
 Могила мамы.¹

Лирический персонаж остается один в заснеженной ночи, а за окнами ему чудится незримое присутствие матери / «А может, мама? / Может, ночь – / Ночные ветры?» /.

Сиротское детство Николая Рубцова совпало с войной, и чувство голода, мучившее его с пятилетнего возраста (после смерти матери в 1941 году), укоренилось в воспоминаниях на долгие годы. Здесь определим место отца в его биографии. После смерти матери многодетная семья распалась. Отец (Михаил Андрианович) после войны создал новую семью, а о детях от предыдущего брака не заботился. Такой формальный статус отца приносил новые страдания юному Рубцову.

Он рос в детском доме села *Никольское* Вологодской области, – в северном краю лесов и болот, на берегу речушки Толшмы. Здесь же оканчивал семилетку. В Никольском жили его жена и дочь Лена, но брак оказался неблагополучным. Рубцов чувствовал себя одиноким скитальцем. *Гармонизация* ощущений у него происходила в творчестве. Свидание с деревней – признанной «малой родиной» – в стихотворении «Зимняя ночь» звучит так: «Я иду по знакомой дороге, / Мне дорога ложится под ноги. / В сердце чувство проснулось / такое, / Будто в царство любви и покоя / Я иду по знакомой дороге».² А вот момент разлуки с Никольским, когда одушевляются приметы пространства: «деревянная школа» и речка провожают земляка в дальний путь («Речка за мною туманная / Будет бежать и бежать» – с. 78). В стихотворении «В лесу» к финалу появляется радующая поэта природная деталь: «Спасибо, родина. / Всех ягод лучше – / красная смородина» (с. 96).

Пребывание в родных местах Рубцов переживал так, как будто встречался с людьми, по которым тосковал. Отсутствие личностных родственных связей усиливало его ощущение родственных связей с тем, что вкладывалось в *мыслеобраз* «Россия – родина моя».

Так же как в свое время Есенина, Рубцова тянуло из деревни в большой город. В двадцатилетнем возрасте он приехал в Ленинград и поступил работать на Кировский завод, а при прохождении службы в армии отслужил четыре года на эсминце Северного флота.

¹ РУБЦОВ, Н.: Стихотворения. Москва, 1983, с. 92. Дальнейшие цитаты из указанного издания с обозначением страницы в тексте.

² „Литературная Россия», 4 апреля 1986, № 14, с. 10 (подборка стихов Рубцова „Я спешу сказать...»).

В Литературный институт в Москве Рубцов поступал с богатой трудовой биографией за плечами. Его приняли, но два года спустя – по причине участия в нескольких скандалах – студента перевели на заочное отделение института.

Тем временем налаживались в Москве литературные контакты. Коллеги по ремеслу обратили внимание на одаренного стихотворца. В кругу друзей по институту было замечено, что молчаливый и странный паренек из деревни (детдомовский воспитанник) пишет необычайно проникновенные стихи. Широкий регистр эмоций у Рубцова возникал из уверенности, что ему *есть что сказать* в лирической поэзии. В стихотворении «Обо мне говорят» автор доверялся читателям: «Я спешу и к сумеркам глухим, / И к рожденью / солнечных рассветов. / Я спешу сложить свои стихи / И прочесть стихи / других поэтов...». Жизненный опыт – независимо от возраста – давал ему право на форму сентенции: «Достигают счастья лишь в пути, / А не возле теплого камина». ³ Поэты, с которыми он сблизился (в их числе Станислав Куняев, Владимир Соколов), своевременно распознали талант Рубцова. С публикацией книги стихов «Звезда полей» ему помог поэт Егор Исаев. По-доброму воспринял его литературовед Вадим Кожин – автор монографии «Николай Рубцов» (Москва, 1976). Семилетие спустя в Архангельске вышла книга «Воспоминания о Рубцове» (1983). Упоминаю о тех книжных изданиях, которые начали вводить Рубцова в контекст русской литературы.

Местом жительства поэт избрал Вологду – город, где оформилась литературная среда; общался с прозаиками Виктором Астафьевым, Василием Беловым. Живя в Вологде, Рубцов много времени отдавал самообразованию – осваивал наследие русских классических поэтов. Наиболее близкими себе чувствовал Ф. И. Тютчева, Н. А. Некрасова, С. А. Есенина. Подборки его стихов появлялись в столичных журналах «Октябрь», «Юность», «Наш современник». А первая книга стихов Рубцова появилась в Ленинграде в 1962 году и представляла собой размноженный машинописный экземпляр – это самодельный сборник поэта «Волны и скалы».

По своей натуре Николай Рубцов отличался от других современных поэтов: он нес в себе, как тяжелую ношу, от которой невозможно освободиться, – чувство *неприкаянности*. Это подавляемое им чувство невольной *отъединенности* от других держало его эмоции на грани «напряженность» – «умиротворенность». Психологическая лабильность приводила поэта к депрессивным состояниям, к злоупотреблению алкоголем («Суну морду в полынь / И напьюсь, / Как зверь вечерний!»). Обостренная интуиция выражалась в его предчувствиях недолгого пребывания на земле. Предсказывая

³ «Литературная Россия», 4 апреля 1986, № 14, с. 10.

свою скорую смерть, он уточнял: «Я умру в крещенские морозы» / предсказание сбылось /.

Свойственная лирике Рубцова элегическая настроенность экспрессивно выражена в стихотворении «Седьмые сутки дождь не умолкает...»: «Неделю лет. Вторую лет... Картина / Такая – мы не видели грустней! / Безжизненная водная равнина / И небо беспросветное над ней (использованы эпитеты, нагнетающие тоску,» – *грустный, безжизненный, беспросветный*). Припомню также из упоминавшегося стихотворения «Памяти матери» *сталкивание* слов сходного звучания – *мгла* и *могила*. Приводимый пример показывает, что у Рубцова настроенность организуется *семантической наполненностью* привлекаемых слов: *мгла* и *могила* в смысловом отношении *переливаются* одно в другое. В «Дорожной элегии» мотив прощания усилен *удвоением* опорных слов («Лесная сорока / Одна мне подруга. / Дорога, дорога, / Разлука, разлука»).

В стихотворении „Угрюмое“, состоящем из четырнадцати строк, девять раз повторяется эпитет „угрюмый“ и два раза – производное от этого эпитета („Я вспомнил угрюмые лица, / Я вспомнил угрюмую речь. [...] И стало угрюмо, угрюмо / И как-то спокойно душе” – с. 154). Повторяющиеся синтаксические конструкции с опорным эпитетом „угрюмый“ вызывают ассоциации с фольклорным творчеством. Мы наблюдаем формирование *органической* по типу поэтики, в которой движение организуется разливом чувств поэта.

Текст стихотворения «В минуты музыки печальной...» насыщен авторскими видениями, возникающими под воздействием звучащей музыки. Видения подразделяются на *визуальные* и *звуковые*. К визуальным видениям относятся «первый снег под небом серым», «желтый плес» (берег реки), а к звуковым видениям – «шум порывистых берез», «голос женщины прощальный». В границах стихотворения поддерживается состояние *погруженности* лирического Я в музыку («В минуты музыки печальной / Не говорите ни о чем»).

Грустные элегические излияния Рубцова порождали эффект неожиданности в читательском восприятии, поскольку обнаруживался *контраст* с пафосной советской поэзией. Еще не прошло время, когда стереотипные упреки критиков – завсегдатаев советской печати – заключались в нападках на писательский пессимизм. По этой причине около тридцати лет не издавали Есенина, и тогда его поэзию попытался присвоить себе преступный мир. С середины пятидесятых годов Есенина уже издавали, – хотя и с компромиссными критическими толкованиями, – но от поэтов-современников ожидали привычных интонаций бодрости. Рубцову еще только предстояло утверждаться в литературе, но уже было ясно, что его душа *напоена*

грустью и им владеет мистическая настроенность: «Я слышу печальные звуки, / Которых не слышит никто...» (с. 105).

Спонтанность выражения непривычного для окружающих мыслечувствования подкреплялась *надличностной* убежденностью: «О чем писать – на то не наша воля...». Появлялись мысли о том, что на него возложена *свыше* некая духовная миссия – выразить экзистенциальную музыку чувств привязанности к родине. О поэзии он говорил: «...не она от нас зависит, а мы зависим от нее...» (с. 103). Рубцов так читал стихи, как будто дирижировал невидимым оркестром: по свидетельству очевидцев, казалось, что оркестр звучал *внутри* его существа.

Поэт российских просторов прислушивался к тому, что возникало в глубинах его сознания и подсознания, задумываясь о мистической необъяснимости своего дара, что находило выражение в тематике и образности стихотворных текстов. Это объективно сближает Рубцова с теми творцами, которых Даниил Андреев назвал поэтами-*вестниками*, – с М. Ю. Лермонтовым, с Александром Блоком.⁴

Терминологическое определение «тихая лирика» связано с заглавием рубцовского стихотворения «Тихая моя родина» (стихотворение посвящено Василию Белову). О «тихой лирике» шестидесятых годов критики говорили как о новом поэтическом течении, вытесняющем *громкую* «эстрадную поэзию», связанную с именами Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Роберта Рождественского. Но Рубцов, как творческая личность, не стремился к противостоянию, а желал лишь добиться *неподдельности* лирического самовыражения. Ему хотелось, чтобы его Россия – хранительница древних обычаев, песен и преданий, – пробудилась и показала свою жизнеспособность: «Эх, Русь, Россия! / Что звону мало? / Что загрустила? / Что задремала?» (с. 162).

Он был очевидцем того, как уничтожающе повлиял революционный переворот в стране на представление нации о древней, вечной России («Не жаль мне, не жаль мне растоптанной / царской короны, / Но жаль мне, но жаль мне разрушенных / белых церквей!...» – с. 8). Последствия разрушения тяжело переживаются лирическим персонажем: «Лежат развалины собора, / Как будто спит былая Русь» (с. 148). И все же поэт не теряет веру в жизнестойкость России при любых потрясениях: «О, Русь – великий звездочет! / Как звезд не свергнуть с высоты, / Так век неслышно протечет, / Не тронув этой красоты...» (с. 96). Со времен Есенина не звучало таких проникновенных строк объяснения в любви к «домашней» России (в подобном духе отделял *вечную* Русь от *взвихренной* Руси архаист и модернист Алексей

⁴ См. АНДРЕЕВ, Д.: Собрание сочинений в трех томах, т. 2. Москва, 1995 («К метаистории русской культуры»).

Ремизов). Есенинская тональность возрождалась и в т. наз. «деревенской прозе» (см. повесть В. Распутина «Последний срок»).

В программном стихотворении «Тихая моя родина» Николай Рубцов писал о том, что представляет для него высшую ценность:

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь (с. 79).

В поэтическом тексте «Философские стихи» автор признавал над собой единственную власть – власть собственной души, – отгораживаясь от расчетливых прагматиков: «В душе огонь – и воля, и любовь! – / И жалок тот, кто гонит эти страсти, / Чтоб гордо жить, нахмуривая бровь, / В лучах довольства полного и власти» (с. 146). Его жизненный путь пролегал далеко за гранью «довольства» и «власти».

Для шестидесятых годов XX века – времени живого интереса к поэзии в среде молодого и среднего поколений читателей – самобытность лирического дара Рубцова включала совокупность особых характерологических признаков. К ведущим признакам мы бы отнесли игнорирование *социального заказа*; рождение собственной лексики и фразеологии на фоне обветшавшего *словаря советской эпохи*; сближение с русской стариной, связи с которой были разорваны в предшествующие годы. Возникал эффект *органики* поэзии, не замутненной книжностью, что придавало стихам *свежесть* и первозданную *чистоту* выражения. Зазвучала в искусстве слова поэтическая тональность, соединявшая интимные переживания автора с фольклорностью звучания его текстов.

При чтении стихов Николая Рубцова создается впечатление, будто народная почва вдруг пробудилась, обрела голос и заговорила, *запела* рубцовскими прерывистыми ритмами и *прозрачными* рифмами (свои стихи он не только декламировал, но и пел). Спасительным для поэта (так же, как для прозаика советской эпохи Венедикта Ерофеева) было продолжительное пребывание в среде трудовых людей.⁵ Как оказалось, именно там сохранялся русский язык с его адекватными обозначениями того, что происходило в жизни, и с нетерпимостью к словесной фальши. Поэт инстинктивно двигался «против течения», чтобы оставаться самим собой. Если Венедикт Ерофеев иносказательно выявлял абсурды в социуме, то Николай Рубцов лирически воспроизводил сохранившуюся музыкальную стихию Родины, неподвластную внешним силам. Ему важно было распознать и призвать к жизни

⁵ См. ЗАХАРИЕВА, И.: Особенности мировосприятия писателя Венедикта Ерофеева («Из записных книжек») LiterNet, Sofia, 2011, N 1 http://litenet.bg/e-zine/11_01.html.

душу России. Исходя из *направленности* действий, мы имеем основание сблизить его с писателем-духовидцем Даниилом Андреевым (1906–1959). Существует между двумя литераторами и биографическая общность: оба болезненно переносили раннее сиротство и оба находили утешение в уединенном общении с природой России.

Поразительно и то, что обоих вдохновила тема Московского Кремля. Даниил Андреев создал стихотворный триптих «У стен Кремля», где символ России опозитивирован: «Тихо слетают с зубцов Кремля / Лебеди розовые заката»; Николай Рубцов в стихотворении «О Московском Кремле» обожествляет родное Пространство: «Молюсь на лик священного Кремля / И на его таинственные звоны...».⁶

Поэт с «тяжелым взглядом» (из стихотворения Ст. Куняева «Памяти поэта») был противоречив в своих переходах от скепсиса и отчаяния к восторженности и влюбленности в жизнь. Он знал, что, – независимо от меняющихся настроений, – лирика, созданная им, не поддавалась никаким внушениям извне: «Вот так поэзия, она / Звенит – ее не остановишь! / А замолчит – напрасно стонешь! / Она незрима и вольна» (с. 102).

Его роман с поэтессой Людмилой Дербиной, с которой ему предстояло оформить брак, окончился трагически. По описанию Дербиной, накануне фатального столкновения он был агрессивно настроен под воздействием алкоголя и угрожал ей убийством; она же – в полуосознанной обороне – удушила его. Факт гибели Рубцова продолжает обрастать легендами и доныне.⁷

День гибели Николая Рубцова – 19 января, но в этот день *календарных* «крещенских морозов» в 1971 году пролились «угрюмые» дожди, обильно напоившие местную почву. Похоронили поэта в Вологде. Два года спустя на его могиле поставили надгробие с барельефом и с авторской строкой: «РОССИЯ, РУСЬ! ХРАНИ СЕБЯ, ХРАНИ!».

В стихотворении «Да, умру я...», написанном в Ташкенте в 1954 году, автор дал выход собственному скепсису: «Жалкий след мой будет затоптан / Башмаками других бродяг. / И останется все, / Как было, / На земле, не для всех родной. / Будет так же Светить Светило / На заплыванный шар земной!»⁸

Но с годами мысли о смерти в его лирике уступали место мыслям о своем посмертном будущем / «Когда, бесчинствуя повсюду, / Смерть ра-

⁶ РУБЦОВ, Н.: «Россия, Русь! Храни себя...». Лирика. Москва, 1992, с. 57; АНДРЕЕВ, Д.: Собрание сочинений в трех томах, т. 1. Москва, 1993, с. 33 (из поэтического ансамбля «Русские боги»).

⁷ ДЕРБИНА, Л.: Как это было (1998). Источник: http://rubtsov.id.ru/derbina/derb_1.html.

⁸ «Наш современник», 1990, № 12, с. 126.

зобьет мою судьбу, / Тогда я горсткой пепла буду, / Но дух мой [...] вылетит в трубу!»⁹ Валентин Сафонов, свидетель жизни Рубцова, отмечал в посвященной ему «Повести памяти» (Рязань, 1975–1985): «Тихий философ по натуре, Рубцов много размышлял о жизни и смерти. [...] И, конечно же, старался увидеть, прозреть, *что там* – за последней чертой?»¹⁰

Какой-то злой рок сопровождал поэта и в начале, и в конце его жизненного пути. Будем надеяться, что двойное *зловещее действо*: сиротство в детские годы и нелепо оборванная жизнь в 35-летнем возрасте – послужит своего рода призывом для потомков различать жизнестойкость его поэтического дара – вопреки злой судьбе. Автор подсказал в стихах, какая тема была стержневой в его творчестве (в стихотворении «Давай, земля, немножко отдохнем...»):

Вокруг любви моей
Непобедимой
К моим лугам,
Где травы я косил,
Вся жизнь моя вращается незримо,
Как ты, земля,
Вокруг своей оси...

Внес он и легендарный сюжетный мотив в картину своего загробного существования: «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны, / Неведомый сын удивительных вольных племен! / [...] / Я буду скакать по следам миновавших времен...». В стихотворении лирическое Я превращается в «легкую тень» всадника, связанного с отдаленными временами и неотделимого от родных мест. Подобным же образом – в *эзотерическом преображении* внешнего облика – Александр Блок мысленно представлял себе умершего Владимира Соловьева, изобразив его рыцарем-монахом.

Поэтическое наследие Николая Рубцова в годовщину его 75-летия находится в процессе испытания памятью потомков. Практически сборники его стихов переиздаются почти каждый год в Москве или в Вологде. Существует и московское трехтомное собрание сочинений (2000), и биография поэта в серии «Жизнь замечательных людей» (КОНЯЕВ Н. М.: Николай Рубцов. Москва, 2001).

Энергичное поле рубцовской лирики сорок лет спустя после его смерти продолжает воздействовать на читателей. Стихи его призывают вслушаться в непреходный смысл того, о чем художник слова нам поведал.

⁹ РУБЦОВ, Н.: «Россия, Русь! Храни себя...». Лирика. Москва, 1992, с. 184 («Кружусь ли я...»).

¹⁰ САФОНОВ, В.: Повесть памяти. В: РУБЦОВ, Н.: Лирика. 1992, с. 373 (Разр. автора – И. З.).